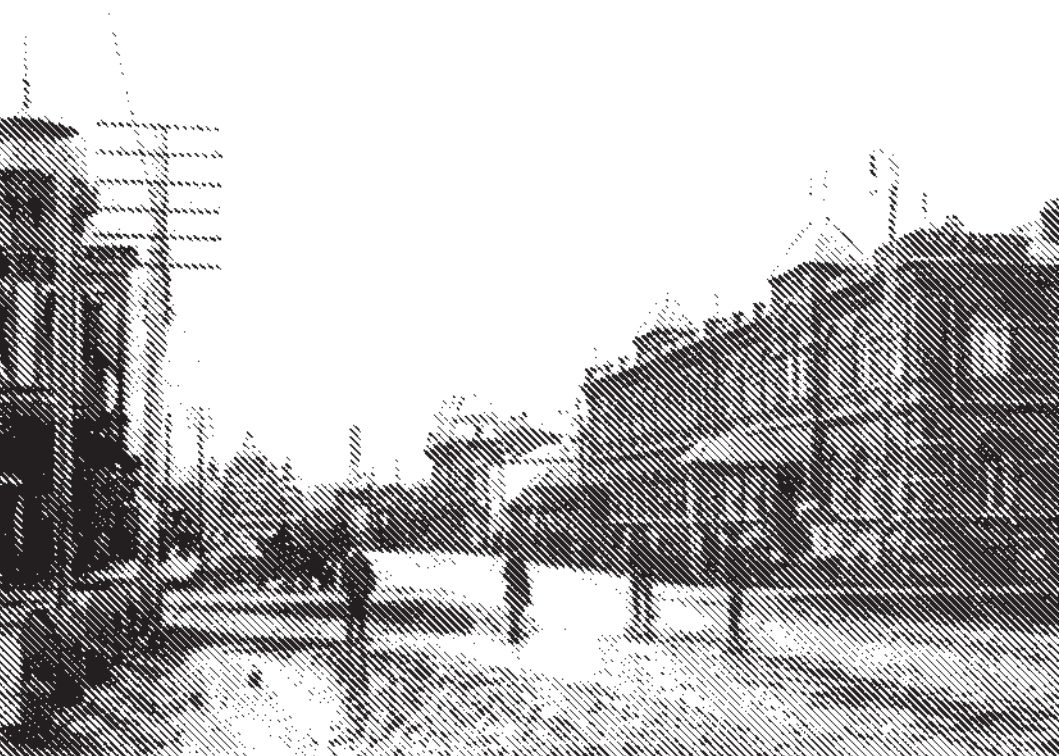

РОДНАЯ СТРИНА

Михаил Фонов

РОДНАЯ СТАРИНА

Очерки истории Южного Урала

Издательство Игоря Розина

УДК 882
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ф 78

Идея проекта – **А.Е. Попов**

В рамках серии вышли следующие книги:

«**МамаМатематика**»

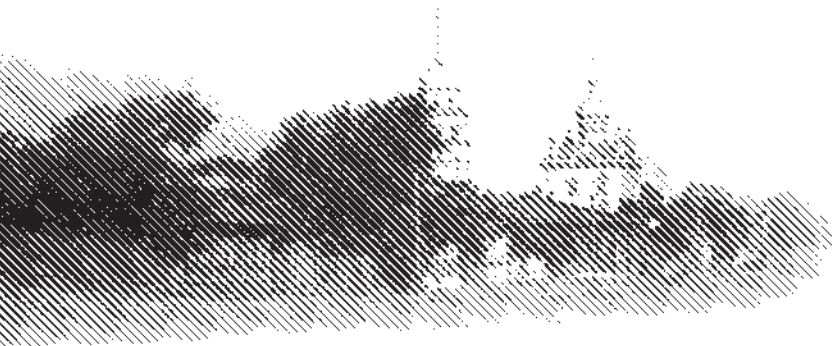
«**БабушкаГоворесность**»

Найти эти книги в электронном виде можно на сайте
Zenon74.ru

В оформлении обложки и вклейки использованы фотоработы
художника

Александра Потапова

Предисловие *Владимира Божже*

Ф 78 Михаил Фонов
*Роднаястарина: Очерки истории Южного Урала. – Челябинск:
Издательство Игоря Розина, 2011. – 216 с. (Илл).*

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-903966-12-7

© Текст — М.С. Фонов, 2011
© Издательство Игоря Розина, 2011

Родная старина Михаила Фонотова

(об этой книге и ее авторе)

Если спросить жителей Челябинской области где-нибудь в Москве, на Черном море или в Египте, уже почти что родном для русского отдыхающего, а чем интересно то место, откуда они прибыли, то они, рассказывая о нашем крае, вполне возможно не вспомнив об авторе, перескажут то, что написал М. С. Фонов.

И я бы не стал этому сильно удивляться. Потому что Михаил Фонов прежде всего **популяризатор**, человек, непосредственно обращающийся через газету и свои книжки к самой широкой читательской аудитории. Он далек от «птичьего» наукообразного языка, от актуальных тем, имеющих «большое народнохозяйственное значение», от декларированного добросовестного и всеобъемлющего восстановления исторической правды и много еще от чего. У него другая задача – доступно объяснить местному обывателю, кто он и что он: где живет, кто жил здесь до него, чем интересна природа и история Южного Урала... И объяснить не скучно и нудно, а ярко и «вкусно». Чтобы прочитав о чем-нибудь, для себя не первоочередном и далеком, его читатель запомнил прочитанное на всю жизнь и захотел узнать про это еще что-либо.

Фонов не географ, не историк, не краевед, по профессии он – журналист, а по сути своей **писатель**. Это чувствуется по художественному подходу к используемой им информации, по тому, как он строит свои тексты, по языку, который изобилует парадоксальными, яркими фразами («Гумбейка – река мамонтов»,

«яшма старше Уральских гор»). Читая написанное им, порой чувствуешь, как автор, перебирая слова словно чётки, любитесь ими. И вслед за ним испытываешь от этих слов удовольствие. Порой же ловишь себя на мысли, что автором каких-то фраз Фонотова вполне мог быть писатель – путешественник XIX века, например Даниил Мордовцев. Как вам, например, такая фраза: «В этих местах Урал живописен по-своему. Здесь он еще не проникся хребтовой суровостью и поднебесной скалистостью»?

Михаил Фонов много читает и путешествует, это и есть главный источник его произведений. Для него публикуемые материалы – часть его личной жизни, поэтому в них живет то, что ему дорого и что он любит. Он не боится поделиться с читателями строчками из своего любимого поэта Василия Федорова или упомянуть того, с кем совершил то или иное путешествие. И люди это ценят, потому что Михаил Фонов говорит с ними просто и доверительно, а это в наш «холодный» век дорогого стоит.

Сегодня Михаил Фонов – востребованный и популярный автор, признанный как читателями, так и собратьями по цеху (республиканская награда «Золотое перо России» о чем-то говорит). В чем же причина его успеха? Наверное, в следующем: Фонов любит жизнь (отсюда спокойный, позитивный тон повествования) и умеет удивляться (поэтому его тексты яркие и оригинальны). А удивляясь, он удивляет и нас. Не верите? Прочитайте и убедитесь в этом сами.

Владимир Боже
историк

Часть 1. ОЧЕНЬ ДАВНО

Черепок из «бронзы»

У деревушки Горки, южнее райцентра Уйское, река Уй, по своему речному обыкновению, выгибает очередную петлю, внутри которой оставляет ровную, как стол, дернистую площадку. С трех сторон ее огораживает река, а густые кусты по берегу заслоняют от ветров и дурного глаза. Площадка как бы приглашает тут остановиться, остаться, поселиться.

У археологов есть такое допущение: если какое-то место нравится нам, людям XXI века, то очень вероятно, что оно когда-то могло приглядеться и нашим предкам, даже и далеким. Потому что в нас многое – от них. Сколько бы лет ни прошло, они такие же, как мы. Мы – люди, и они – люди. Конечно, мы теперь такие-сякие, знаем, почему гремит гром и сверкает молния, а они принимали грозу, как угрозу рассерженного небесного правителя, но корни у нас и у них – людские.

Археолог Владимир Иванович Юрин так и предположил: на этой уютной площадке в речной излучине, возможно, «притаилось» поселение первобытных людей. Доказательства? Их даст река.

Известно, что всякая река «движется» не только вдоль своего течения, но и поперек. Значит, подмывая свой высокий левый берег и, метр за метром, всю площадку, река Уй должна выявлять какие-то предметы, «припрятанные» в слое грунта. Археолог без долгих раздумий направился к берегу. И я – тоже, хотя и без всякой надежды что-то найти.

Берег Уя довольно высокий и крутой, сверху – черный слой чернозема, пронизанного корешками, ниже – желтоватая глина, тоже не без корешков. Я пригляделся – ничего, прошел

дальше, скользя по глине, – ничего, ковырнул палочкой – ничего. Так я прошел несколько метров, обшаривая глазами глинистую вертикаль. А это что? Камушек торчит? Я ковырнул – да, вроде камушек. Плоский. С легким изгибом. Я стряхнул глину – черепок. Протер его пальцем – какие-то черточки. Один край ровный, утолщенный и округленный. Понятно, это венчик горшка. Ниже венчика – линии, вроде зигзагом. И короткие черточки – когда глина была мягкой, ее продавили палочкой, вдавлена так и осталась: с одного конца тупая, а со второго – острая. Еще ниже широкие горизонтальные линии, три желобка пояском.

Однако, спросил я сам себя, что произошло сейчас? Я поднял голову кверху – рыхлые облака равнодушно висели надо мной. Им до меня дела не было. Я опустил голову – темная осенняя вода торопилась течь, будто ее гнали. Меня она знать не знала. Где я? В каком времени? Ведь что-то произошло! Я не сразу это осознал, но когда осознал, – застыл в оцепенении: только что я прикоснулся к бронзовому веку. Через четыре тысячи лет, а то и больше, в коротком замыкании встретились два времени. И два человека. Может быть, и тогда равнодушно висели рыхлые облака и так же торопилась река, а кто-то стоял на берегу. Как я...

О, Господи, как все в нашем мире устроено! Глиняный черепок, оказывается, – весточка из бронзового века. Письмо! Из рук в руки. Его можно прочесть. И кое-что узнать о далеких, умопомрачительно давно ушедших людях. Да разве мало только то и узнать, что они – были? Думали ли они, что будем мы? Что обыкновенный горшок, в котором, наверное, варили кашу или какую-нибудь похлебку, станет письмом в будущее? Этот черепок будто пролетел через тысячелетия – такой же, как был, со всеми своими линиями, крапинками и сколами. Только потемнел, впитал в себя черноту времени. Где-то здесь, в глине под черноземом, наверное, лежат остальные осколки, из которых можно склеить весь горшок...

Никто на белом свете не заметил, что 15 октября 2008 года, в 14 часов 25 минут (время зафиксировано моим фотоаппаратом), на берегу реки Уй, у деревеньки Горки, – что-то произошло. Только я знаю, что здесь случилось чудесное явление – явление человека из бронзового века человеку века XXI-го.

Может быть, мне достался черепок от горшка, вылепленного теплыми руками красавицы из бронзового века...

А вообще-то, не так это и далеко – четыре тысячи лет...

Гора по имени Карандаш

Есть у нас на Южном Урале одна река и одна гора, которые древнее самой глубокой древности. Гора называется Карандаш, а река – Изранда. О них мало кто знает даже в Кусинском районе, где они расположены. Для очень многих секрет и то, что сопка Карандаш сложена такими каменными глыбами – точнее, такой породой, название которой дала соседняя река Изранда. И совсем уж неожиданность, что на Южном Урале нет ничего древнее, чем эта порода – израндит.

Судите сами. Возраст планеты, на которой мы живем, – 4,5 миллиарда лет, а израндит чуть-чуть моложе, ему 4,2 миллиарда лет. Таких пород не только на Южном Урале, но и на всей Земле очень мало. Разве что на дне океана ученые обнаружили ровесников нашего израндита.

Неизвестно, кто и почему дал горе имя Карандаш. Может быть, потому, что израндит – темный, почти черный, вроде графита, из которого вытачивают карандашные стержни. А может быть, он почернел от времени.

До Карандаша мы добирались не иначе, как на вездеходе «Урал». Он затерялся в таежном лесу, в глухомани, в местности, о которых говорят, что это – медвежий угол. И в самом деле, когда мы поднимались на гору, где-то на середине ее высоты обнаружили медвежью лёжку. Мы не знали, куда отправился медведь после отдыха – вниз, к подножию горы, или вверх, к ее вершине. Если вверх, то мы могли встретиться с ним на узкой тропе. К счастью, мы все-таки с медведем разминулись.

С вершины Карандаша на все четыре стороны открывается зеленое море лесов. Внизу кружили птицы. Надо подняться на эту гору, чтобы представить редкую картину: на Земле не было ни деревьев, ни трав, ни птиц, ни медведей, никаких живых существ, даже бактерий, а израндит уже был. Он – свидетель всей истории человечества.

Глаза из космоса

И видел я
Незримое доселе:
Над головой моей издалека,
Похожие на древних птиц,
Летели
Напуганные чем-то облака.

Это написал хороший русский поэт Василий Федоров. Его земная поэзия была пронизана космическим чувством пространства и времени. Расширяя сферу вокруг себя – дом, город, край, страна, планета, – человек неизбежно поднимается в высоты космоса и опускается в глубины эпох и эр. Сладкий и грустный соблазн преследует нас: увидеть акт творенья от самого-самого начала до собственного мгновенья.

А по земле,
Неся с собой прохладу,
Хлеба и травы делая темней,
Еще тревожней пробегало стадо,
Причудливое стадо
Их теней.

У каждого, конечно, был случай увидеть это – как бегут по земле тени облаков. Надо стоять где-то на возвышении, имея перед собой обширную долину, солнечный день и кучевые облака на небе. Аж дух захватывает, когда видишь, как бегут тени по необитаемой земле.

Казалось,
Не был мир еще распознан
И, смутный,
Ждал рожденья моего,
Казалось, был он только-только создан
И я свидетель
Первых дней его.
Казалось, все, что есть под небесами,
Я должен был

Обжить и обогреть...
Как хорошо
Однажды посмотреть
На старый мир
Такими вот глазами!

Хорошо. А почему? Не знаю.

Гумбейка – река мамонтов

Сказать, что в наших краях когда-то жили мамонты – никакая не новость. У нас музей не музей, если в нем нет костей мамонта. В музее села Остроленка (это Нагайбакский район) – несколько витрин с костями мамонта. Мы вышли из музея, спустились к реке Гумбейке, походили вдоль берегов, и через полчаса археолог В. И. Юрин принес три кости. Оказалось – ребро мамонта.

Люди в Остроленке заняты своими делами – возьмется у тракторов, пашут землю, косят травы, доят коров... А в сельском музее, за стеклом, – огромный позвонок мамонта. Что сельчанам мамонты? В животноводстве они не пригодятся. Пахать на них землю не придется. Ничего с них – и шерсти клочок – не взять.

Разве что выйти к мосту, прислониться к перилам, окинуть взглядом долину реки и представить: когда-то на Гумбейке жили мамонты. Их, может быть, было много. Стада. Иначе откуда бы столько костей? Наверное, мамонтам здесь нравилось. Что-то их привлекало.

Гумбейка – река мамонтов?

А что, Гумбейка – хорошая река. Тем хороша, что степная. Мы ехали вдоль нее от Касселя до Остроленки. Она рядом, а не видно ее. Берег с берегом сомкнулись – и сомкнулась степь. Такие они, степные реки. Идешь, идешь – впереди только травяная равнина, и вдруг, откуда ни возьмись, – река у ног. Только и успеешь тормознуть. Степной сюрприз.

Было время, когда люди жили среди мамонтов. У археологов есть доказательства того, что Гумбейку, весь ее бассейн, люди облюбовали с древних эпох. Сначала они, наверное, жили с мамонтами, а потом – без них. Мамонты-великаны, как ни странно,

вымерли, а люди-малютки, как ни странно, – выжили. А до них, еще в триасе или уже в юре*, исчезли гиганты-динозавры. Что касается гибели всяких «завров», то о причинах остается только гадать – слишком далеко они от нас. На сто миллионов лет, не меньше. А мамонты? Можно сказать, соседи по эпохе. Жить бы им и жить. Великолепно приспособились к холодам, обросли шерстью, занавесили себя длинной – до земли – ее бахромой.

Ученый-англичанин Ричард Довкинс, чтобы наглядно показать всю историю человечества, использовал расстояние от своего галстука до конца вытянутой руки. Это расстояние он разделил на отрезки. От галстука до плеча – на земле никакой жизни. От плеча до локтя – время возникновения живых клеток. От локтя до середины предплечья – миллионы лет, когда образовались многоклеточные организмы. У самой кисти – появились динозавры. Длина ладони до пальцев – на земле млекопитающие. У корня ногтя – гуманоиды. На плоскости ногтя (среднего пальца, самого длинного) – первобытные люди (с мамонтами). А вся письменная история человечества, с вавилонянами, египтянами, китайцами, греками, римлянами, до наших дней – на выступе ногтя, который он, Ричард Довкинс, ежедневно счищает пилочкой.

Значит, если историю планеты разместить на вытянутой руке, то история человечества на ней займет только миллиметр на кончике ногтя. Другими словами, если у человечества есть будущее, то оно только началось.

...На следующий день маршрут привел нас в Агаповку. Чуть к северу от впадения Гумбейки в Урал. Нас интересовал Красный яр. Здесь Урал на вершине длинной петли вымыл высокий берег, красный от глины. Уже на закате мы прошли внизу яра, по каменистой кромке берега, где до нас не раз находили кости мамонта. Был ли у нас шанс на удачу – так, с наскоку? Если и был, то один из ста. И, к своему удивлению, на наших глазах Юрин среди сырых булыжников различил что-то необычное, извлек: не камень, а, как оказалось, большая кость мамонта.

* Триасовый и юрский – геологические периоды, первый и второй этапы мезозойской эры. Триасовый начался около 251 млн. лет назад и длился около 50 млн. лет. Юрский начался 199 млн. лет назад и длился 54 млн. лет. — Здесь и далее – примечания редактора.

– У нас в области, – сказал мне позднее Владимир Иванович, – я насчитал уже более трехсот точек, где найдена мамонтовая фауна. Но это, конечно, далеко не все.

Мамонты были в нашей истории. Я этим доволен. Не знаю, почему.

Восхождение яшмы

Спросите у геолога про яшму, и он наверняка вспомнит про мулдакаевскую, аушкульскую, калканскую и многие другие яшмы из знаменитого Яшмового пояса Урала...

Мулдакаево? Аушкуль? Калкан? Это же рядом, каких-нибудь полторы сотни километров, в верховьях Миасса. Правда, это уже территория Башкортостана, но горы, реки и недра не признают границ.

Как не съездить? Едем!

Яшма старше Урала. Она родилась на дне девонского моря*, из кремнистых илов, которые заливались огненными лавами, сдавливались и вздыбливались тектоникой, каменели, чтобы в конце превращений стать, к услугам человека, прекрасным минералом.

На срезе яшма очень красива. Знатоки говорят, что нет такого цвета и такого оттенка, который не запечатлела бы яшма. Только синий цвет обнаруживает она очень редко. Гораздая на декор и колорит, она и художница увлеченная, ее кисти принадлежат так называемые пейзажные яшмы. Причем краски ее пейзажей не тускнеют никогда.

По твердости яшма уступает только топазу, корунду и алмазу. При этом она довольно легко скалывается пластинами, края которых часто остры без заточки. Нашим далеким предкам в каменном веке яшма сначала «подбрасывала» готовые лезвия, а потом надоумила скалывать с найденных камней (нуклеусов) острые пластины.

Человек познал яшму сто тысяч лет назад и дружил с ней много

* Речь о девонском периоде, четвертом периоде палеозойской эры. Начался около 400 млн. лет, завершился около 345 млн. лет назад.

дольше, чем с бронзой и железом. Наткнувшись на яшмовое месторождение, люди запасались ценным камнем, растаскивая его по всей ойкумене*. С яшмы-то, с яшмовых инструментов и яшмовых орудий труда, может быть, и началась наша цивилизация. Но ее великая «производственная» роль нами почти забыта. Теперь яшма для нас «всего лишь» красивый на срезе камень. Из сферы производства она переместилась в сферу искусства.

Запасы яшмы велики, но не сказать, что она встречается на каждом шагу. Одним из самых богатых «владельцев» яшмы является Южный Урал. Всему просвещенному миру известен Яшмовый пояс Урала, который начинается южнее города Миасса, в верховьях реки Миасс, и узкой полосой тянется к Магнитогорску, Орску и еще южнее на сотни верст.

Впрочем, если яшма и залегает сплошным поясом, то, может быть, на глубине, а на поверхности в разных местах выпирает из недр глыбами и скалами. Мулдакаевское месторождение – одно из северных.

К яшмовым валунам под распускающимися березами нас привел старожил Мулдакаево Ирек Садыкович Исаев. Мы сразу обратили внимание на то, что тут и там вокруг глыб валяются изорванные тросы. И догадались: не один охотник увезти яшмовый монолит потерпел тут крах – валуны не поднять на тросах. Но с тех пор, как мастер Екатеринбургской гранитной фабрики Г. В. Шалимов в 1896 году отыскал эту яшму, отсюда немало ее было увезено – с разрешением и без него.

Аушкуль – это озеро, а при нем гора и деревня. И рядом – карьер. Яшма здесь другая, палевая, не то желтая, не то оранжевая. Лучше меня о ней скажет академик Ферсман, побывавший и на Аушкуле: «Здесь также разрабатывался особый вид яшмы – знаменитая палевая (цвета старой слоновой кости) яшма с черными и бурными веточками марганцевых и железистых дендритов». В Эрмитаже хранится очень эффектная ваза из аушкульского камня.

Еще более выразительна яшма калканская. Калкан – озеро и гора – еще одно звено яшмового браслета. Он недалеко от Аушкуля, южнее. Эрмитаж хранит несколько шедевров, выточенных из калканской яшмы. Что характерно, цветом, серо-зеленым, этот

* Ойкумена – освоенная, населенная человеком часть земли.

минерал не очень удался, но полировка преобразует его. Она обнаруживает переливы болотных, зеленовато-стальных, серых тонов разной насыщенности с чуть приметной облачностью. Еще более поражает зеркальный блеск полировки, которая принимает, «впитывает» и отражает цвета интерьера. Именно этим эффектом поражает широкая плоская чаша, изготовленная на Екатеринбургской гранильной фабрике в 1851 году. Работа над ней продолжалась почти тридцать лет. Некоторые мастера отдали ей двадцать пять лет жизни. Директор фабрики писал, что «никогда и нигде подобного изделия приготовлено не было». Тело и ножка чаши покрыты рельефными листьями аканта и винограда. Трудно поверить, что они вырезаны в камне. В Эрмитаже хранится и торшер из калканской яшмы. На нем гравировка: «Екатеринбург. Работою начата в 1848 году, кончена 1858-м. Мастер Г. Налимов». (Гаврила Налимов – потомственный камнерез, один из мастеров фабрики).

Уже давно яшма служит не пользе, а роскошной и вечной красоте. Прекрасная «карьеря», завидное восхождение.

Глина – всегда и везде

Если по науке, то «под глиной надо понимать землистую минеральную массу, способную с водой создавать пластичное тело, которое после обжига принимает твердость камня».

Короче, глина – это горные породы тонкого помола, размер частиц не более 0,01 мм. Желательно, чтобы глина была однородной, спекаемой, химически инертной. Чтобы, наконец, имела приятный цвет после обжига.

Известно, что глина бывает жирной и тощей – в зависимости от примеси песка.

Глина – целая наука, одна из древнейших. Многое из этой науки цивилизация упустила, забыла, потеряла...

Глиняных карьеров в Челябинске с десяток. У деревни Казанцево, на выезде из города, слева от Свердловского тракта. Месторождение «Мельничный тупик» – у поселка Миасский. Северо-Круглянское месторождение – по дороге на аэропорт, у озера Круглое. Бабушкинское – на северо-западе, у кирпичного завода № 2. (Запасы не выбраны, часть глины осталась под садом). Несколько месторождений – Васильевское, у керамзавода, у кир-

пичного завода № 1, Першинское, Синеглазовское – уже закрыты, иные застроены – и следа не осталось.

На территории Челябинска и в окрестностях при желании можно найти небольшие линзы и гнезда огнеупорной глины (у керамзавода, рядом с Шаголом), а также каолиновые глины (под заводами севернее Першино).

Иногда глина так жирна, что... Да, в голодные годы люди ели глину. И не только в голодные. В Африке живут геофаги, племена, у которых глина – лакомство. В Персии съедобную глину продавали на базарах. На Урале такую глину называли «глей». А в Сибири есть такое кушанье: смесь каолина и оленьего молока.

Кстати, чувствуете в слове «каолин» что-то китайское? Так и есть. В одной из провинций Китая глиняные холмы Као Лин дали название каолину.

Чтобы закончить тему, остается напомнить, что и нас, человек, Бог создал из глины. Ничего более благородного не нашел. Вылепив Адама, он вдохнул в него душу, вместе с тем преобразив глину в человеческое тело. Наверное, поэтому мы и чувствуем в глине что-то «свое». По крайней мере, без нее человек не обходился никогда. И в наши дни не исчезли целители, проповедующие лечение глиной.

Волны жизни

В 1925 году, южнее поселка Смолино, на отмели (было сухое место, берег озера обнажился), в иле исследователь нашего края С. Н. Дурилин нашел много кремниевых ножичков, наветрышей, скребков, пилок, лезвий. Однако самыми ценными в находке были не каменные инструменты, а обломки и осколки, оставшиеся при их изготовлении. Случай помог археологу открыть каменную мастерскую древних людей.

Эти люди оставили после себя курганы. У поселка Смолино, у поселка Сухомесово, у поселка Исаково – всюду опытный глаз отмечал курганы. С. Н. Дурилин: «Нет сомнения, что для всего Челябинского округа число курганов надо исчислять не сотня-

ми, а тысячами. Это относится к курганам, существование которых сколько-нибудь поддается определению в данное время, огромное же число их распаханно, изрезано дорогами, застроено человеческим жильем: так, например, значительная часть построек пос. Исаково стоит на курганах».

Что бы это значило: тысячи курганов? А одно значит: было многолюдие. В век камня и бронзы Урал был густо заселен. Наши далекие предки жили тут долгие тысячелетия. Потом волна жизни откатилась, чтобы вернуться еще не однажды.

И три, и тридцать тысяч лет назад Урал знал людей, а люди знали Урал.

Есть век сине-зеленых водорослей – 3,5 млрд. лет.

Есть век гранита – 280 млн. лет.

Есть век динозавров – 200 млн. лет.

Есть век мамонта – 20 млн. лет.

И есть век человека – 1 млн. лет. В том числе осознанных – каких-нибудь десять тысяч лет.

Время от времени разгораются споры о том, кто «первее» заселил Урал. Например, башкиры доказывают, что они обитали здесь задолго до русских. Так оно и было. Но кто-то был и до башкир.

Когда первые русские поселенцы появились в этих краях, у них было ощущение необитаемости: на много верст кругом – ни деревни, ни хуторка. Дикая местность, нетронутый мир, царство предоставленной самой себе природы. Основатели Челябинска наверняка считали, что до них тут никто никогда оседло не обитал. О каменной мастерской на берегу Смолино они, конечно, не знали...

Верблюд из Ледникового периода

Осенью прошлого года археолог Владимир Юрин, переходя вброд речушку Нижний Тогузак у поселка Солнце Варненского района, поднял из мелкой воды черную кость. Не составляло труда определить, что кость черна от времени: она очень долго пролежала в земле. Но она таила в себе и другие сведения, сведения, которые мог извлечь из нее только специалист.

Оказывается, есть такие редкие ученые, которые по обломку кости могут сказать, какому животному она принадлежала. Более того, можно определить, как долго кость пролежала в грунте, то есть узнать, из каких давних времен это животное.

Один из таких специалистов – екатеринбургский палеозоолог П. Косинцев. Он-то и определил, что найденная археологом кость – верблюжья.

Лет сто назад у нас на Южном Урале верблюд никого бы не удивил. На ярмарки в Челябинск, Троицк или Верхнеуральск из далекой Средней Азии, из таких городов, как Хива, Самарканд или Бухара, одни за другими прибывали усталые караваны верблюдов, нагруженных тюками с товарами. Наши предки привыкли к верблюдам и сами отправлялись через пустыни в шумные восточные города. Первые два столетия нашей истории накрепко связаны с экзотичными, но в то же время привычными верблюдами. Не случайно, что и на гербе нашей области запечатлено это горбатое животное.

Однако здесь требуется уточнение: верблюд, определенный Косинцевым, как оказалось, жил не в XVIII веке, а в Ледниковом периоде. То есть за тысячи лет до того, как на Южный Урал прибыли русские поселенцы. Получается, что верблюд с герба нашей области имеет более далеких предков, чем мы предполагали. А обнаружили мы это благодаря обломку кости, найденной в речке Нижний Тогузак.

Слово «палео» указывает на древность. В палеоколлекции В. Юрина кости не одного десятка животных, которые обитали в наших краях в древности – тысячи и десятки тысяч лет назад. Это – мамонт, носорог шерстистый, медведь пещерный, бизон, барсук, медведь бурый, заяц, кабан, свинья, горноста́й, суслик, лиса, крот, бобр, сурок, волк, куница, лось, овца, ласка, косуля, хорь, ондатра, собака, белка, выдра, северный, благородный и гигантский олени, летучая мышь, коза, тушканчик, хомяк, песец, архар, корсак, росомаха, летяга, а также кости птиц, рыб, мелких грызунов, амфибий. Большинство из них обитает в наших краях и поныне, но многие по разным причинам вымерли. Казалось бы, люди раз и навсегда о них забыли. Ан нет – современная наука «вытащила» их из забвения и даже показала нам, как они выглядели.

Звери на скале

Старинное (с 1663 года) татарское село Арасланово стоит как раз на том берегу Уфы, где река описывает величавую дугу и выводит к скале Роговик. Вид со скалы – не наглядеться. Внизу блестит река в розовато-желтых берегах, за ней – широкая луговина, вдоль и поперек пересеченная тропинками, к луговине подступает лес. Летом все село здесь, на реке.

Вокруг Арасланово много достопримечательностей. Вся окрестная долина реки – памятник природы. Рядом – пещера Араслановская. В трех километрах вниз по течению – Араслановская писаница. На скале Ямаш-Тау, которая возвышается над рекой на сорок метров, художник из позднего железного века красной охрой нарисовал фигурки человечков, лося, козули, лошади. Раскопки у подножия писаницы обнаружили глиняный сосуд, каменные изделия, кости животных.

Древний человек взялся рисовать задолго до того, как овладел письмом. Наверное, самым простым был рисунок, который и в наше время привлекает детей: приложить ладонь к гладкой поверхности, обвести пальцы острым камнем, закрасить темной краской.

Охотнее всего древние художники рисовали зверей. Впрочем, для наших далеких предков звери в первую очередь были не объектами живописи, а источником жизни. Они были их пищей. Вернувшись с охоты без добычи, мужчины обрекали свои семьи на голод. Добыть мясо – это был вопрос жизни и смерти. Поэтому мужчины перед охотой ритуально «расправлялись» с рисунком мамонта, лося или козули на скале, а потом, уверовав в успех, отправлялись в поход.

У наших предков было сложное отношение к диким зверям – они их убивали и они их обожали. Более всего они опасались, что звери исчезнут. И «однажды» крупные животные так называемой ледниковой фауны – исчезли. Одна из версий – их истребили люди. Как бы то ни было, именно эта «катастрофа» заставила людей разводить скот у себя дома, одомашнивать зверей.

Взаимоотношения людей и зверей – драма тысячелетий, о которой можно сказать только одно: это было так, как было.

Тайна речки Кисенет

Не думал, не гадал, что когда-нибудь увижу речку Кисенет, впадающую в Нижний Тогузак. А хотелось. Интрига не в самой реке, а в ее названии. Почему у нее такое имя? И разве случайно то, что она течет именно туда, где находится известная башня Кесене?

Уже ближе к закату мы добрались до речки Кисенет, которая по долгому склону перпендикуляром втекает в Нижний Тогузак. Узкую, но напористую, темную, но необыкновенно чистую, речку Кисенет сопровождают и укрывают старые ольхи, изумрудные заросли осоки, полосы тростника и листья кувшинок. По павшим стволам мы перебрались на другой берег и оказались... в Устье.

Некогда, уже давненько, здесь археологи раскопали укрепленное поселение Устье, о чем мы, разумеется, знали. Но у нас было мало времени – только осмотреться и что-нибудь почувствовать. А почувствовали мы свою покинутость, оторванность от «большой земли». Вроде бы не сказать, что этот угол очень уж отстранен от людей, но впечатление такое, что он ими покинут. Но что нашли здесь наши предки четыре тысячи лет назад? Что привлекло их сюда? Почему они здесь поселились?

Устье – одно из двух десятков древних поселений в южной части нашей области, которые теперь известны как Страна городов. Самыми первыми были раскопаны поселения Синташта, Устье и Аркаим. Археологическую экспедицию, «отрывшую» и открывшую Устье, возглавлял Николай Борисович Виноградов – доктор исторических наук, профессор.

Устье удивил многим, сказал мне профессор. Прежде всего, он дал много информации. Больше, чем другие поселения из этого круга. На Устье было поднято более 11 тысяч находок. А среди них – две тысячи предметов, связанных с выплавкой меди. Люди, населявшие Устье, жили не только скотоводством, но и производством меди.

Почему они выбрали этот угол, где сходятся две реки? Из-за меди. Что тут увидели археологи? В каждом помещении – обязательно колодец. Что странно. А рядом с колодцами – обязательно печи. Тоже странное соседство. Но археолог Станислав Аркадьевич Григорьев определил, что колодец и печи – единый комплекс.

Печь была соединена воздуховодом с колодцем, и, вследствие разницы температур, воздух циркулировал и закачивался в печку. Правда, наши предки-металлурги использовали и мехи.

Теперь – разгадка. В полутора километрах от Устья, ближе к деревне Горная, геолог Ия Михайловна Батанина обнаружила медный рудник. Точнее, месторождение медьсодержащих минералов. В геологических отчетах оно так и называется – рудник «Кисенет». Пробы руды сравнили с рудой в Устье – они похожи. Медная руда и «привязала» людей бронзового века к Устью.

Еще один «медный» аргумент. В одном из курганов было вскрыто погребение мастера-металлурга, а в нем – куски медных шлаков. Медный шлак – в могиле? «Сами понимаете, – сказал профессор Виноградов, – что случайно в могилу ничего попасть не может. Тем более шлаки. Это – часть ритуала».

Но – парадоксальный факт: на кладбище поселения Устье погребений мало. «Я думаю, – предположил профессор, – наши предки в Устье жили не круглый год. Кто-то жил постоянно, они-то и похоронены на кладбище. А остальные жили где-то в другом месте».

Но почему не все – здесь? Что-то не нравилось. А что?

Наконец, еще одна загадка Устья. Здесь были найдены остатки колесниц. Значит, на берегах Тогузака и Кисенет разъезжали на колесницах? Невероятно. Так невероятно, что так и хочется обмануться: обернуться и увидеть запряженную лошадьми колесницу...

В окрестностях Варны – мавзолей Кесене и речка Кисенет. Наверное, это не случайно. Но в этой неслучайности – скрыта тайна.

Ты чей, Заратустра?

Я помню транспарант, распахнутый над раскопом Аркаима: «Здесь жил Заратустра!».

Сначала археологи удивили сами себя открытием города ариев, затем допустили, что это их прародина, а потом посягнули на то, что здесь жил сам Заратустра.

А что, это важно – что у нас на Южном Урале, где-то в окрестностях Бредов, обитал (может быть) пророк Заратустра?

Важно. Наверное, мы еще не прониклись крутостью переворота, который совершил Аркаим в нашей жизни. Что, впрочем, понятно: такие перемены оседают не в коре, а где-то под ней, в тайниках мозга. Если же тот глубинный перелом извлечь и переложить на слова, то, может быть, они сложатся так: мы живем не в каком-нибудь неведомом, богом забытом краю, а на земле, по которой ходил сам Заратустра, на прародине ариев, тех самых, которые стояли у истоков всей европейской культуры.

Смешно сказать, но неожиданно-негаданно исторический и даже легендарный Заратустра прямо из небытия вошел в нашу будничную жизнь. По крайней мере, сам я держал это имя в уме.

Допустим, едешь в поезде и ведешь обычный вагонный разговор: «С каких мест? Я с Южного Урала. Аркаим, знаете?» – «Аркаим? Да-да, читал...»

Короче говоря, в своем сознании я уже «приватизировал» Заратустру, прописал его на Южном Урале, присвоил...

Однако случилось так, что прошлым летом я гостил на своей родине, на юге Украины, и в местной прессе наткнулся на заметку о Каменной Могиле, о скале у города Мелитополя, испещренной рисунками и письменами. И нашлись ученые, которые стали утверждать, что именно здесь обитали арии.

Эту тему затронули и корреспонденты «Труда» В. Коляничко и М. Корец. Они, не без сомнений, правда, сообщили, что московский археолог А. Кифишин якобы расшифровал знаки на холме Каменные Могилы и «прочитал», что они принадлежат истинным ариям.

Так-так. Значит, кроме нас, есть другие претенденты на ариев. И очень даже самоуверенные. Не знаю, то ли огорчаться, то ли смеяться. Но, может быть, кто-то еще нашел прародину ариев? Оказывается, ее находили в Туркестане, в Армении, «под Пермью» и даже в Заполярье.

Заратустра... А что о нем известно? Кое-что известно. Спитамид Заратустра (Заратуштра, Зороастр) родился где-то в степи к востоку или западу от Каспийского моря три тысячи (округляю) лет назад в семье арийского жреца. Имя его переводится как «обладатель старого верблюда». Есть сведения, что он был женат и имел двух дочерей. Юноша готовил себя к ремеслу

жреца и рано познал «истинную веру». Это случилось однажды на рассвете, когда он пошел к реке за водой и перед ним в волшебном сиянии возникло существо, которое привело его к богу Ахура-Мазде. С тех пор Заратустра стал проповедником. У себя в деревне и в округе он убеждал земляков, что Ахура-Мазда является высшим божеством.

Как это бывает среди людей почти без исключений, нет пророка в своем отечестве: Заратустра вынужден был оставить родину и скрываться на чужбине. Скитания привели его в страну Виштаспы, который понял и принял учение Заратустры и приказал золотыми буквами написать текст «Авесты» на тридцати тысячах бычьих кож.

Арии были скотоводами и превыше всего ценили скот. Еще они почитали собак, которые помогали им сторожить стада, и ненавидели волков. Всё, о чем арии просили бога, сводилось к тому, чтобы в доме было «обилие скота, обилие праведности, обилие корма, обилие собак, обилие жен, обилие детей, обилие огня и обилие всякого житейского добра».

В своих «гатах» и «яснах» Заратустра проповедовал справедливость. Когда бог спросил его: «Кто ты? С кем ты?», он ответил: «Я – Заратустра, последователь Справедливости, недруг Лжи». На вопрос: «На что ты решился?» – пророк ответил: «При каждом поклонении огню думать лишь о Наилучшем Распорядке».

О наилучшем распорядке люди думают со времен Заратустры. И мы через три тысячи лет задаем те же вопросы, которые Заратустра в своих яснах задавал богу Ахуре.

Будет ли награжден приверженец правой веры? – спрашивал он.

Кому из двух воинств – Добра и Зла – даруешь ты победу? – спрашивал он.

Видел ли кто-либо справедливое царствование дэвов*? – спрашивал он.

Можно подумать, что Заратустра – наш современник.

Он погиб в войне с саками**.

* *Дэвы – в иранской мифологии злые духи, противостоящие духам добра ахурам.*

** *Саки – собирательное название группы ираноязычных кочевых и полукочевых племен первого тыс. до н.э. – первых веков н.э. в античных источниках.*

Легенда о петушиной побудке

Зороастрийцы, арии, те самые, которые жили в Аркаиме и в других крепостях Страны городов, воспевали птицу Пародарш – так они называли петуха. Петух, как считали наши далекие предки, был птицей Ашура, доброго бога, и противостоял дэву (злому духу) лени по имени Бушьясте. Бушьясте тем не нравился зороастрийцам, что на заре обнимал спящих длинными руками и шептал им, что еще рано и можно еще поспать, понежиться в постели. А петух тем был хорош, что своим утренним криком гнал прочь Бушьясте и будил людей, которых ждала работа дома, в поле и на пастбищах.

Я не могу сказать, что в наши дни дэв Бушьясте напрочь изгнал добродетельного крикуна Петю, что по утрам мы долго нежимся в постелях, обленились и отважились* от праведного труда; но, по крайней мере, то, что в наших шумных городах потерялся и забылся голос петуха – факт. И факт, что горожане все больше если не отлеживаются, то отсиживаются, теряя телесные формы, а вместе с ними – долголетие.

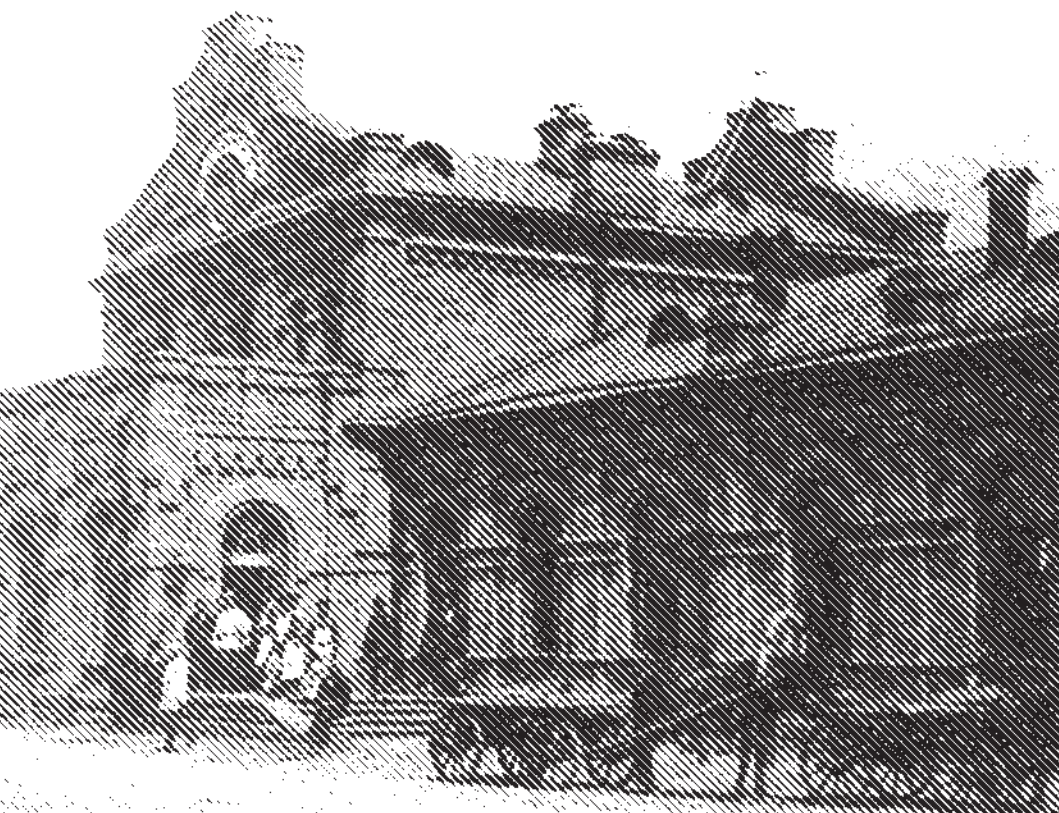
Чем измеряется жизнь горожанина? Я допускаю, что она измеряется вторым законом Ньютона, из которого следует: ускорение тела, то есть длина его жизни, равно силе, деленной на массу. Чем больше сила, тем длиннее жизнь. Силы-то и не хватает. Зато массы – в избытке. А масса – это, по физике, величина, характеризующая инертность тела.

Какой-то дэв Бушьясте убаюкивает нас, холит нашу инертность. Кто же крикнет нам ку-ка-ре-ку?

* То есть отказались.

Часть 5. ВЕХИ ЧЕЛЯБИНСКА

Мир за горизонтом

А где они, те острова Фиджи?

Ах, острова Фиджи!.. Почти рай. Предел мечтаний. Где же они, те острова?

Так. Надо найти точку на земном шаре, откуда смотреть. Пусть это Челябинск, его центр, главная площадь. Вы там? Хотя бы мысленно, вы там? Хорошо. Перед вами телебашня. Далее, на прямой, – железнодорожный вокзал, озеро Смолино, потом – Сухомесово, озеро Курочкино, село Печенкино. А затем – совхоз «Комсомолец», уже в Кустанайской области. Еще дальше – Караганда, озеро Балхаш, Ханой, Манила, Гвинея... А уж за Гвинеей – острова Фиджи.

Далеко от Урала острова Фиджи. Ничего дальше, может быть, и нет.

Хорошо. А где Канарские острова, о которых многие говорят, мечтательно закатывая глаза? Канарские острова? Смотрим с той же точки, из центра Челябинска. За круглым зданием с часами – городской бор. За бором они и есть, Канары. Если хотите точнее, пожалуйста. Линию ведем так: Травники, Саратов, Одесса, Неаполь, Алжир, а за Марокко, уже в Атлантике, – Канарские острова.

Что еще? Чукотка? За гостиницей «Южный Урал». Мурманск? За зданием банка. Байкал? За магазином «Ритм».

Если идти прямо по проспекту Ленина на запад (почти на запад), то за памятником Курчатову, за бором, за рекой Миасс у деревни Трифоново выйдешь к озеру Теренкуль, а дальше – озеро Кысыкуль южнее Тургояка, Саткинский пруд, Сим останется чуть к северу. А там – Уфа, Брянск, Берлин, Лондон, Атлантиче-

ский океан, за ним – остров Ньюфаундленд, Торонто и, наконец, Сан-Франциско, уже на Тихом океане.

Если по проспекту Ленина идти на восток (почти на восток), то за отвалами ЧТЗ, за Чурилово, за озерами Шелюгино и Сыкандык будут станция Чернявская, а далее – Новосибирск, Усть-Кут, Охотское море, Камчатка, Берингово море, Аляска, Канада.

Если идти на север (почти на север) по улице Кирова, то за теплотехническим институтом прячутся Першино, Долгая деревня, Куяш, Булзи и еще дальше – город Серов, Новая земля, Земля Франца-Иосифа, Ледовитый океан.

Прямо по улице Воровского, через станцию Смолино, Томино, Демарино, совхоз «Петропавловский», Сибай, через город Шевченко на Каспии и Багдад придешь в Мекку на Красном море, а дальше наискосок пересечешь всю Африку.

Ты стоишь в центре Челябинска, а вокруг тебя вся планета, весь мир, реальный и будто бы призрачный.

Холмы Челябинска

Челябинск раскинулся на склоне. Его западная окраина (меридиан Шершней) выше окраины восточной (меридиан озера Первое). Расстояние между ними почти вписывается в длину проспекта Ленина. Одна из высот города (отметка 255 метров) расположена на траверсе проспекта, в лесопарке, за памятником Курчатову.

Под ногами – гранит. Это важно заметить, потому что в конце маршрута, если забежать вперед, не удастся найти гранитного выступа. Строго говоря, гранит городского бора – это еще Уральские горы, но уже в пределах города они исчезнут.

От памятника Курчатову тянется долгий пологий склон. Он заканчивается прогибом между улицами Энгельса и Володарского. Это – долина речки Челябки. Теперь речушка под землей, в трубах, а поверху ее сопровождают только решетки ливневки.

После Челябки – подъем. Педагогический университет – на возвышении. На улице Васенко асфальт снова прогнулся. А площадь Революции приподнята. Этот уровень держится до уровня улицы Свободы, где вновь очередной спуск, к долине всеми забытой речки Чернушки. За ней последний гребень – на улице Россий-

ской. Здесь, на одной из высот Челябинска, возвышается башня Гипромеза.

На улице Российской следовало бы чуть-чуть задержаться. Только для того, чтобы обозреть склон до дома Спиридонова. Обозреть и проникнуться мыслью, что перед вами – последний склон Уральских гор. Под виадуктом железной дороги и чуть дальше под мостом «Меридиана» Урал, можно сказать, срывается в пропасть.

Под двумя мостами – геологический разлом. Его линия тянется к северу и к югу вдоль западных берегов озер Первое и Смолино. И еще дальше в обе стороны на многие километры. Когда-то, так давно, что можно обойтись без дат, земная твердь расколослась здесь и одна – восточная – плита рухнула вниз на сотни и даже тысячи метров. Образовалась огромная впадина, которую заполняли, засыпали обломки разрушавшихся Уральских гор, чему способствовали древние реки и моря. Глубоко под толщей наносов похоронен «фундамент», коренник, до него не докопаться даже шахтерам Копейска и Коркино.

К востоку от моста начинается Сибирь, великая Западно-Сибирская низменность. Поистине Челябинск угодил на «тонкую» грань между Западом и Востоком.

Про наш город можно сказать, что лежит он на семи холмах. На одном из них – городская больница, на втором (как уже было сказано) – Гипромез, на третьем – автомобильный институт, на четвертом – ЧЭМК. Еще на двух высотах – кладбища, Митрофановское и Успенское. Ну и седьмая высота – городской бор.

Первые четыре точки образуют каре, в котором размещался старый город, некогда называемый Ямой.

Челяба. Начало начал

Беседа с археологом, кандидатом исторических наук, доцентом ЮУрГУ Г.Х. Самигуловым о раскопках на Ярославской площади.

– Гаяз Хамитович, мы будем говорить об истории Челябинска. И, на мой взгляд, самое интересное и интригующее, самое неувловимое в этой теме – та грань, когда Челябинска еще не было, но перед самым его появлением. Если на эту точку посмотреть

с какой-то высоты, например, в 1736 году, – как все выглядело? Что было и чего не было?

– Картина примерно такая. На том месте, где сейчас театр оперы и балета и бывшая табачная фабрика, судя по всему, стоял березняк. Вдоль берега, в сторону краеведческого музея, у дворца спорта, было болото. Не зря одна из тех улиц называлась Болотной.

– Да, там были заросли камыша, где, как говорили старожилы, ловили шук.

– Там как раз утонула лошадь – история известная. Ближе к нам, у будущей крепости, – довольно высокий берег Миасса. Узкая протока через него, каменистое дно. Фактически брод. Еще к востоку, где-то между улицами Пушкина и Свободы, тек ручей. В овраге. А еще дальше – речка Игуменка. Ее название я нашел на единственной карте начала XIX века, на ней она обозначена как Осиновка.

– И там тоже было заболоченное место.

– Да.

– Но, может быть, тут, где быть крепости, – какая-то поляна, удобное место для остановок, хотя бы коротких?

– Это не исключено. Могло быть открытое место. Но расположение крепостей определялось, прежде всего, дорогами. Надо понимать, что и до прихода русских здесь была густая сеть дорог. А среди них – и большие дороги караванной торговли. Крепость ставилась для того, чтобы она, первое, стала перевалочным пунктом и, второе, для контроля ситуации.

– Но, может быть, какая-нибудь деревенька стояла?

– Нельзя сказать, что здесь стояла деревня Таймаса Шаимова. На карте 1736 года, еще до строительства Челябины, деревня Таймаса показана на озере Аргази. И он уходил на летние кочевья ближе к Тоболу. То есть эта территория не была кочевой. Может быть, кто-то, тот же Таймас, знал это место, но не пребывал тут долго. Выбор, скорее всего, был обусловлен высоким берегом, удобным бродом, дорогой, сосновым бором.

– А теперь оглянем в своем воображении территорию самого Челябинска. Место, где шли раскопки (площадь перед Оперным театром. – *Прим. ред.*), – и есть исток города? Именно здесь надо искать рубеж, отделяющий предысторию Челябинска и его историю?

– Конечно. Мы судим со своей колокольни, с современной. Приведу пример. В ту пору люди привычно считали, что где церковь, там и кладбище. А не где-то в отдалении. И так было долго. На планах середины XVIII века кладбища не отмечены. Поэтому, когда в прошлый раз мы обнаружили здесь кладбище, это было для нас, археологов, неожиданностью: кладбище – в центре поселения? Теперь мы знаем, как формировался центр. К югу от кладбища – провинциальная канцелярия. За кладбищем – улица. Сначала она называлась Никольской. Потом – пропала. Ситуация такая. Административный центр, торговый центр, собор – духовный центр, – всё на этом пяточке. Здесь происходили основные события начальной истории города. Допустим, Пугачевское восстание. У нас – казачий бунт. Казаки вытащили воеводу Веревкина из его дома, который стоял на улице Труда, как раз там, где улица Цвиллинга упирается в улицу Труда. Оттуда казаки вытащили воеводу, вдову прокурора Гуляева, поволокли их в казачью избу. А она стояла примерно там, где теперь дом номер пять на улице Цвиллинга. Напротив – команда поручика, солдаты, которые отбили у казаков пушки, направили их на казачью избу и заявили, что будут стрелять, если не отдадут воеводу. А других казаков взяли в доме воеводы, где они увлеклись грабежом имущества. Всё – рядом, в 50–70 метрах друг от друга.

– А еще торговые ряды, пороховой погреб...

– Судя по всему, пороховой погреб и есть тот кирпичный погреб, который мы расчистили. Конечно, еще не все ясно, но что-то мы «привязали» уверенно. Планы города разных лет, к сожалению, не совмещаются. Однако сейчас мы может уже большую часть Челябинска XVIII века нанести на план современного Челябинска и гулять по нынешнему городу, показывая, где были торговые лавки, где проходила граница кладбища, где был пороховой погреб, а где – острог.

– Вы нашли монету 1736 года?

– Мы нашли много монет. Больше двадцати.

– Кто-то только приехал и потерял новенькую монету?

– Потерял, может быть, и позже. Важно другое: монеты 1736 года на территории Челябинска мы обнаружили, по-моему, всего две. Их почему-то очень мало. Как шли раскопки? Мы нашли стену острога, что хорошо само по себе, но потом – пусто. Нет ничего. Люди работают, а – пусто. Никаких находок. И мы уже

заволновались по поводу крепостной стены. Она вроде бы должна уже быть, а ее нет. И вдруг во время зачистки вылетает монета 1736 года. Что всех нас успокоило: все будет нормально. Так и получилось.

– А в могилах, которые вы открыли, может быть, те самые люди, которых Тевкелев записывал в крепость?

– Да, скорее всего. Потому что это кладбище существовало до 1777 года. Это почти 40 лет. Значит, мы увидели черепа и кости детей и взрослых – перво жителей крепости. Но у нас нет шансов определить, кто есть кто. В могилах никаких вещей. У многих даже крестиков нет.

– Мы говорили только о XVIII веке. Но этот берег Миасса сохранил следы и других эпох?

– Да, работая на территории Челябинска, мы часто находим фрагменты керамики, отдельные каменные изделия, которые относятся к эпохе бронзы, к неолиту. Можно предположить, что здесь в разные эпохи были поселения, но на короткое время. Ведь древние люди были кочевниками. Но точно то, что здесь люди жили во все времена.

– И, конечно, не предполагали, что на этом месте возникнет огромный мегаполис, который получит, по сути, всемирную известность.

Полковник Тевкелев

Мне этот человек интересен. Не только потому, что он творил историю. А еще потому, что он – особый. Такие люди очень редки. Незаурядность. Личность. Характер. Биография. И – тайна.

Чесменский краевед А. Беликов нашел такие сведения о Тевкелеве: «Он выходец из ордынских татар. Многие годы был секретарем и старшим переводчиком у Петра I в Иностранной коллегии по восточным делам. У императора пользовался большим уважением и доверием. В начале своей работы по предложению Петра I принимает православное вероисповедание. Настоящее его имя Кутлу Мухамед Мамешев. Родители его принадлежали к знатному ордынскому роду Тевкелевых. При крещении получил новое имя и отчество – Алексей Иванович. Был широко образованным и эрудированным человеком. В совершенстве вла-

дел русским, французским, немецким и многими восточными языками».

Известно, что Тевкелев многие годы провел в казахских степях Младшей орды в качестве посланника русских царей, несколько раз ездил из Петербурга в жуз*, пока не был отправлен с экспедицией И. Кирилова на Урал.

Челябинский краевед И. Дегтярев установил и доказал, что именно Тевкелев основал Челябинск. Именно он из Чебаркульской крепости докладывал В. Татищеву, что «сего сентября 2 дня на реке Миясе в урочище Челяби заложил город».

Дегтярев проследил весь путь Тевкелева к урочищу Челяби. 5 августа 1736 года он в лагере Татищева у озера Кызылташ – получает ордер (инструкцию) о закладке крепостей. 9 августа он прибыл в деревню Сугояк. 11 августа он в деревне Калмацкий Брод. 20 августа – в Миасской крепости, где пробыл до 26 числа, когда, «при помощи вышнего», с командой выехал «в надлежащий путь». В тот же день он – у урочища. Несколько дней обустройства, и уже 2 сентября закладывается город Челяба. Через восемь дней, оставив команду строителей, Тевкелев выезжает в Чебаркульскую крепость, откуда отправляет свое историческое донесение, которое цитировалось, цитируется и будет цитироваться бесчисленно.

Здравый смысл подсказывает, что место у урочища было засечено Тевкелевым заблаговременно. Когда? Может быть, осенью 1735 года, когда он возвращался из строящегося Оренбурга в Теченскую слободу. Краевед В. Поздеев допускает, что от озера Синеглазово Тевкелев, Арсентьев и кто-то третий свернули в Селябский бор, осмотрели местность, оценили ее. Возможно, полковник бывал у бора не раз – до того, как была заложена крепость.

Остается сказать, что именно Тевкелев был тем человеком, который записывал первых жителей города – двести семей первопоселенцев.

В 1986 году, когда мы готовились отметить 250-летие Челябинска, была высказана мысль о памятнике основателю Челябинска полковнику (а позднее генералу) Тевкелеву. И вскоре в редакцию поступили два письма. Оба из Башкирии.

* *Жуз (или орда) – исторически сложившееся объединение казахских племен и родов.*

Р. Рамазанов из Уфы сообщал нам следующее: «Напомним, какое отношение имеет Тевкелев к Челябинску, построенному в эпоху колонизации Башкирии. Башкирский народ сочинил про него песню: предав огню земли башкирские, озолотил он грудь свою. Тевкелев – один из руководителей, который жестоко подавил восстание башкир 1735–1740 годов. В 1735 году в д. Сеянтус, расположенной на дороге из Бирска на реку Ай, его каратели убили 1000 человек, живьем сожгли 105. После этого в Балаксинской волости сожгли 500 деревень, убили 2000 человек, женщин и детей раздал боярам. Вот какие «подвиги» совершал Тевкелев».

Автор другого письма Ф. Акбулатов называет Тевкелева проходимцем, «исполнителем колонизаторских целей России», которого мы хотим «с опозданием отблагодарить». И даже так: «Башкирскому народу легче принять памятник Гитлеру, чем Тевкелеву».

Сказано ясно: русские – колонизаторы, а Тевкелев – их пособник. Предатель.

Наверное, жители Башкирии имеют право смотреть на Тевкелева своими глазами. Что касается «русских колонизаторов», то здесь требуются уточнения. Говорят: мы тут жили, а вы пришли и поселились, значит, вы колонизаторы. Такая мерка, я думаю, причислит к колонизаторам все народы земли.

В истории не так все просто. В царских указах сказано: «острожки строить позади всего башкирского жилья». Башкиры названы подданными России, и крепости возводили «для лучшего их от всякого нападения охранения и защищения», так как кочевавшие племена «прежде всегда имели друг на друга нападения, и тем самым себя разоряли».

Да, так договаривались наверху. А внутри башкиры не хотели, чтобы их земли кто-то занимал. И их можно понять. Однако от истории никуда не деться: народы не жили на одном месте вечно. И башкиры не кочевали на Урале со дня сотворения мира. И они кого-то сменили, вытеснили. Между прочим, до Европы дошли, до Венгрии.

А главное – упреки в захвате, колонизации не имеют смысла. К чему они могут привести? Только к ссоре. Города Челябинск или Оренбург никуда не перенесешь, они будут стоять на своих местах. Если русские в России колонизаторы, тем более амери-

канцы в Америке – колонизаторы. Или может быть, индейцы потребуют убрать Нью-Йорк, Чикаго, Лос-Анджелес?

В современном мире нам ничего не остается более мудрого, как жить в мире и согласии.

В Челябинске нет памятника Тевкелеву. И, я думаю, возводить его не надо. Из уважения к чувствам башкир. Несмотря на то, что сам Тевкелев соединил в себе две культуры, не нужен памятник, который разобшил бы людей.

Старые дороги

Первые люди прибыли к месту, на котором возникнет Челябинск, не откуда-нибудь с запада, и не с юга, и не с севера, а с северо-востока. А появились они у бора Селябского строго с востока. То есть со стороны нынешнего села Миасского.

Вообще-то русские люди шли из Европы в Сибирь, разумеется, с запада на восток. Но Южный Урал, нашу именно область они «взяли» с тыла, в обход.

Напомню, что Челябинск основан в 1736 году. И сравним: Екатеринбург возник в 1723 году, Тюмень – в 1586, Тобольск – в 1587, Томск – в 1604, Красноярск – в 1628, Якутск – в 1632, даже Анадырь – в 1649 году. То есть сначала, пробираясь северным краем, русские люди достигли Чукотки, а после того проникли к верховьям Миасса, Увельки, Уя.

Есть сведения, что будто бы в XVI веке вдоль берегов Северного Ледовитого океана ходили к востоку рискованные люди вроде Кондратия Курочкина или Федора Чюрки. И будто бы в те времена льдов было меньше. А уж в XVII веке Василий Поярков, Семен Дежнев, Ерофей Хабаров прошли всю Сибирь насквозь.

Эти события происходили до появления Челябинска. Кстати, тогда были известны такие города, как Великий Устюг, Хлынов, Пинск, Балахна, Тихвин, Чердынь, Тотьма, Муром, Соль-Камская, Коломна. Но с какой-то поры эти города сникли, остановились в росте, отстали, выпали из обиходной речи. И, наоборот, у судьбы появились другие фавориты, какой-нибудь безвестный городишко-выскочка вдруг стал расти, на глазах превращаясь в великана, монстра.

Например, среди челябинцев довольно много тех, чьи предки

были выходцами из Великого Устюга. Тогда смешно было сопоставлять Великий Устюг, известный с XIII века, с какой-то Челябинбой, только-только объявившей о себе. А теперь Челябинск – город, крупный и в мировом масштабе, а спроси о Великом Устюге, так не всякий знает, где тот потерялся. Превратности судьбы.

Я хочу рассказать о первых дорогах, ведущих в Челябинск и из него. Такую возможность мне дают несколько старых карт из архива краеведа И. В. Дегтярева.

Начну с карты 1735 года. Бросается в глаза то, что ее правый верхний угол (северо-восток) густо исписан названиями деревень, крепостей, слобод, острогов. А местность, на которой раскинется Челябинск со всеми своими городами-сателлитами, – пуста. Ни одного населенного пункта. Отмечен бор Селябской, речки Селябка, Бигилда (Биргильда), Башели (Бишкиль), озеро Терменкуль (так обозначен Кременкуль). И всё. От речки Селябки до озера Куралды (Курлады) – белое пятно, только три дерева, обозначающих лес.

Дороги на карте – пунктирчиком. Самая первая дорога вела из Теченской слободы (сейчас с. Русская Теча) к Калмацкому Броду (Бродокалмак), затем еще южнее, к крепости Миасской, а от нее – вдоль реки Миасс к устью речки Селябки. На карте 1735 года крепости Миасской еще нет, она обозначена крупной литерой А, а Челябинба и вообще никак не намечена.

Кстати, какое это было время? Какие события происходили в заветном для Челябинска 1736 году? В тот год, судя по летописям, в Европе 52 дня шел дождь, погубив весь урожай. Ньютон умер 9 лет назад. А Гете родится через 13 лет. Через 5 лет Ломоносов пойдет с обозом в Москву. Вольтеру 42 года, а Руссо 24. Полтавская битва уже почти забыта, она была 27 лет назад. Через 53 года будет взята Бастилия, а через 63 года родится Пушкин.

Смею предположить, что самая первая дорога в Челябинск мало изменилась. И тогда, и теперь от Русской Течи до Бродокалмака она идет вдоль правого берега Течи, от Бродокалмака до Миасского – у восточного берега озера Мыркай.

На картах следующих после основания Челябины лет эта дорога – та же. Лучше всего она обозначена на карте 1742 года. Видно, что после озера Мыркай дорога пересекает речку Ольховку, соединяющую озеро Сугояк с рекой Миасс. А после крепости Миасской тракт проходит по северным берегам четырех хорошо

СОДЕРЖАНИЕ

В.С. Боже. Родная старина Михаила Фомотова . . . 5

Часть 1. ОЧЕНЬ ДАВНО 7

Черепок из «бронзы»	8
Гора по имени Карандаш	10
Глаза из космоса	11
Гумбейка – река мамонтов	12
Восхождение яшмы	14
Глина – всегда и везде	16
Волны жизни	17
Верблюд из Ледникового периода	19
Звери на скале	20
Тайна речки Кисенет	21
Ты чей, Заратустра?	23
Легенда о петушиной побудке	25

Часть 2. ВОСТОЧНЫЙ КРАЙ 27

Север Востока	28
Ты откуда, Кесене?	30
В поисках Рифея	33
Первый губернатор	34

Рычков, топография	37
Европа на Южном Урале	39
Человек императора	40
Возвращение Новой линии	43
Вечный бешбармак	45

Часть 3. В ГОРАХ И В СТЕПИ 49

Несчастный завод на Уфе	50
Батыр Салават	52
Перевоплощения французов в России	55
Об уральских декабристах	55
На гребне волны	57
Увидеть прошлое...	59
Блеск и нищета Ташкутарганки	60
Иван-художник	63
Булат	66
Кучер, шофер, летчик...	68
Рамеевы, золотые короли	71
Агаповский историограф	75
Шемаха. Плотины (реквием)	77

Часть 4. XX ВЕК 83

Рельсы прогресса	84
На магистрали	85
Император и фотограф	87
Паломники Тургояка	89
Банк в деревне	92
Кулевчи, Александр Завалишин	93
Один год Цвиллинга	96
Забытые Герои	99
Магнит Магнитки	101
Кто был никем...	103

Наша память светла	106
«Я живу не только за себя...»	110
«Катюши» в ночном городе	113
Иван и Биргер	116
Правнук лейтенанта	117
Берлин был так далеко...	119
Тайна звезды Канопус	120
Сырые полости	124
Зубр, Риль и другие	125
Человек с головой	129
Перед ядром	134
Драма по имени «Маяк»	138
Челябинск. Варна. Москва. И речка Пилица	141
Легенда «Кузькиной матери»	143

Часть 5. ВЕХИ ЧЕЛЯБИНСКА 147

Мир за горизонтом	148
Холмы Челябинска	149
Челяба. Начало начал	150
Полковник Тевкелев	153
Старые дороги	156
«Купола» над гостиницей	159
Челябинцы всех времен	160
Заимка монахинь	162
Лекарь Жуковский	164
Первый центр	166
Родственники Бейвеля	168
Водная башня	171
Бурса	172
Пламенная работа	173
Злачный угол	174
Заречье	176
Элитный магазин	178

Дом Покровского	180
Ситников лог: хутор Михайловский	181
Переселенческий пункт	185
Красное на Красной	187
Монахи	189
Алое поле	190
Хлебный банк	192
Главная площадь	194
Красная площадь	198
Площадь Павших	199
Орленок	199
Буров в Челябинске	201
Барачное время	202
Кировка	205
Индустрия	208
Об авторе	210

